

Михаил Данской

Дед Мороз и Глубководный Новый год

Михаил Ланской

**Дед Мороз и
Глубоководный Новый год**

«Автор»

2026

Ланской М.

Дед Мороз и Глубоководный Новый год / М. Ланской — «Автор»,
2026

В Мурманске тает снег, а дети теряют веру в праздник. Причина — на дне Баренцева моря! Дед Мороз и снеговички Вася, Сеня и Пломбир пересаживаются из саней в батискаф «Снежинка-7», чтобы спуститься в ледяную бездну с борта российского научного судна. Впереди их ждут подводные леса светящихся медуз, Почта Нептуна под руководством ворчливого Краба-Профессора и встреча со спящим Морским Змеем Игнатом. Именно его громкий храп нагревает Гольфстрим, грозя оставить Землю без зимы. Чтобы спасти Новый год, экипажу предстоит остудить пыл океанского гиганта с помощью магии сибирского холода и жидкого азота. Добрая сказка о том, как физика встречается с волшебством ради спасения праздника.

© Ланской М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Аномалия над Мурманском	5
Глава 2. Урок географии от Деда Мороза (и немного от краба)	8
Глава 3. Батискаф «Снежинка-7»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Михаил Ланской

Дед Мороз и Глубоководный Новый год

Глава 1. Аномалия над Мурманском

Обычно в конце декабря небо над Кольским заливом напоминает вывернутую наизнанку перину — темно-синее, тяжелое, густо усыпанное колючими звездами. Но в этот год что-то пошло не так.

Дед Мороз как раз проверял список подарков для жителей Североморска, когда его волшебное зеркало — старинное, в тяжелой серебряной раме из полярных льдин — вдруг пошло мелкой рябью. Вместо заснеженных сопок в нем отразилась пульсирующая, болезненно-зеленая клякса.

— Опять метеорологи озоновую дыру не залатали, — проворчал Дед Мороз и потер переносицу. От зеленого свечения у него начала побаливать голова, а кончик носа, вопреки всем законам природы, вовсе не покраснел от мороза, а стал бледно-лиловым.

В Главном зале Великоустюгской резиденции стояла напряженная тишина. Даже вечный двигатель музыкальной шкатулки, играющей «В лесу родилась елочка», казалось, начал поскрипывать фальшиво. Снеговички — Вася, Сеня и Пломбир — сгрудились вокруг огромного глобуса Северного полушария. Глобус был непростым: материки на нем были вырезаны из картона, а океаны представляли собой тонкий слой настоящей соленой воды под стеклом. И прямо сейчас вода в Баренцевом море стремительно нагревалась. Красные датчики, замороженные в стекло напротив Мурманска, мигали так яростно, будто собирались лопнуть.

— Тридцать градусов! — пискнул Сеня, главный механик, протирая запотевшие от волнения очки-льдышки. — Там же нерпа должна на льду лежать! Она сейчас сварится вкрутую! — Не сварится, она жирная, — резонно заметил Вася-навигатор. — Но лед точно растает. Дедушка, смотрите!

Белое одеяло Северного Ледовитого океана на глазах покрывалось темными плешинами. А самое страшное происходило с сушей. На интерактивной карте тундры, где обычно мерцали уютные желтые точки городов, одна за другой гасли зеленые искорки детского ожидания. В Мурманске, в Северодвинске, в самом Воркуте дети переставали верить в чудо. Они смотрели в окно на голую черную землю, принимаясь к запаху гниющих водорослей вместо морозной свежести и хмуро откладывали альбомы для рисования.

Дед Мороз подошел к гидрофону — огромному медному рупору, который принимал звуки со дна всех земных океанов. Обычно оттуда доносился гул айсбергов, стоны сталкивающихся льдин или далекий, трубный крик китов. Но сегодня рупор издавал лишь низкое, утробное бульканье, словно кто-то кипятил воду в гигантском чугунке.

— Это не сверху, — тихо сказал Дед Мороз. Его борода, обычно стоявшая колом от инея, печально поникла. — Магия замерзания уходит снизу. Кто-то ворует холод у самого сердца Арктики. Если мы не найдем источник до полуночи тридцать первого числа, Северный полюс превратится в киоск с теплым лимонадом. Нового года не будет. Мои сани просто увязнут в каше.

Снеговички переглянулись. Перспектива остаться лужицей талой воды их совершенно не устраивала. Пломбир, исполнявший обязанности биолога, уже успел прихватить свой походный блокнот, сделанный из бересты.

— Нужно лететь туда, — решительно заявил Вася. — Высадимся на берег, возьмем пробы снега... Ой. Он осекся, посмотрев в иллюминатор. Над крышей резиденции было черно. Ни одной снежинки.

— На санях не пройдем, — констатировал Дед Мороз, доставая из сундука тяжелый бронзовый ключ. — Придется менять транспорт. Готовьте почту.

Через час служебный портал перенес всю компанию в аэропорт города Мурманска. Встречать их вышел директор местного филиала Почты Деда Мороза — закутанный в три тулупа помор, чья борода была покрыта не морозным узором, а липкой изморосью.

— Беда, Николаич, — пробасил он, пожимая ледяную руку Деда Мороза. — У нас тут весна. Асфальт плавится. Портовые краны заржавели за два дня. А ученые с судна «Профессор Штокман» вообще говорят, что океан под нами кипит. Просили тебе передать, если появишься. У них там какой-то батискаф новый собрали, титановый. Говорят, только ты в нем поместишься, не расплывешься.

— «Профессор Штокман»? — переспросил Дед Мороз. — Тот самый, что ледовую разведку для Севморпути ведет? Академика Шмидта судно? — Он самый, стоит на рейде. Только подойти к нему теперь сложно, фарватер паромами загородило, открытой воды слишком много.

До порта пришлось добираться на единственном вездеходе, который еще не ушел под землю. За окном мелькали тоскливые пейзажи: черные скалы, зеленая пена на волнах и огромные стаи ошалевших от жары чаек, которые пытались купаться в теплых лужах.

Когда они поднялись на борт научно-исследовательского судна ледового класса, палуба встретила их жаром, как от хорошо протопленной русской печи. Ученые — люди в мягких свитерах, с красными от недосыпа глазами — окружили гостей.

— Николай Васильевич, — обратился к Деду Морозу седовласый капитан, указывая на экран эхолота. — Посмотрите сами. Глубина сто метров. Температура придонной воды — плюс двадцать пять. Мы такого никогда не видели. Это физика или фольклор?

Дед Мороз молча положил ладонь на теплую сталь палубы. Закрыв глаза. — Это глубже, — наконец произнес он. — Физика здесь ни при чем. Кто-то дышит. Жарко дышит. Прямо в тектонический разлом. Готовьте ваш аппарат. Спускаемся.

В ангаре судна, среди мотков троса и оранжевых спасательных плотов, возвышалось нечто, похожее одновременно на глубоководную капсулу и на перекормленного морского ежа. Корпус из белоснежного титана был покрыт слоем странной серой пены.

— Знакомьтесь, — с гордостью сказал главный конструктор, снимая шапочку-петушок. — Батискаф «Снежинка-семь». Экспериментальная модель. Обшивка многослойная: снаружи криогенный гель. Как только температура за бортом поднимается выше нуля, гель начинает вырабатывать искусственный снег и выделяет жидкий азот. Аппарат сам себя замораживает. Внутри минус сорок, какую бы баню внизу ни устроили.

Сеня-техник уже вовсю крутился у массивного иллюминатора, пытаясь найти, куда подключается зарядка для его паяльника. Вася деловито ощупывал манипуляторы, похожие на клешни камчатского краба. А Пломбир пытался приклеить на титановый бок табличку: «Осторожно, хрупкое! Руками не лапать!».

— Грузовой отсек приспособлен под ваши габариты, — продолжал конструктор. — Правда, вместо стандартного балласта мы загрузили туда мешки с вашим почтовым песком. Сказали, очень плотная фракция.

Дед Мороз снял рукавицы. Подошел к маленькому круглому люку, предназначенному для пилота. Пригнулся. Для обычного человека проем был тесноват, но для повелителя зимы оказался в самый раз.

— Песок оставьте, — кивнул он. — Пригодится. Вася, бери курс на юго-восток, к хребту Ломоносова. Сеня, следи за давлением азота. Пломбир, протокол погружения ведешь строго по форме. Нам нужно успеть вернуться к бою курантов.

Снеговички дружно козырнули морковками, служившими им носами.

Тяжелый люк батискафа герметично захлопнулся, отрезая мир людей. По белой обшивке «Снежинки-семи» побежала первая тонкая корочка инея. Магнитные захваты отпустили корпус, и кабина медленно поплыла к корме, готовясь нырнуть в мутную, непривычно теплую воду Баренцева моря навстречу источнику великой новогодней аномалии.

Глава 2. Урок географии от Деда Мороза (и немного от краба)

Когда «Снежинка-семи» наконец замерла на дне, надежно подпертая боком старого Краба-Архивариуса, Дед Мороз понял: экипажу нужен перерыв. От перепада давления у снеговичков закружились головы, а их носы-морковки из ярко-оранжевых стали бледно-желтыми.

— Экстренная стоянка, — объявил Дед Мороз, отключая главный двигатель. — Выходить никуда не будем, акулам хвосты крутить не пойдем. А вот поговорить нам нужно. Вася, погаси карту, она батарее жрет. Пломбир, убери свою банку с пиявками со штурвала. Сеня, если ты еще раз скажешь слово «термодинамика», я превращу твой нос в эскимо.

Снеговички послушно притихли. Внутри кабины было тепло и пахло озоном. За толстым стеклом иллюминатора медленно шевелила щупальцами фиолетовая актиния, похожая на задумчивую бабочку.

— Дедушка, — подал голос Вася-навигатор, протирая запотевшее стекло рукавом. — Я все понимаю про давление, азотные смеси и то, что мы чуть не сварились заживо. Но я так и не понял главного. Почему океан стал горячим? Мы же на Севере! Тут положено мерзнуть!

Дед Мороз тяжело вздохнул, снял рукавицу и почесал переносицу. Его ледяной палец оставил на стекле кружок идеальной прозрачности. — Садитесь ближе, мореплаватели, — сказал он. — Расскажу вам сказку о том, как дышит наша планета. Представьте себе Землю... ну, скажем, в виде огромного арбуза.

Снеговички придвинулись вплотную к иллюминатору, прижавшись шлемами друг к другу.

— Так вот, — продолжил Дед Мороз. — Чтобы арбуз не сгнил изнутри, его нужно охлаждать. У Земли для этого есть две волшебные вещи. Первая — это **Северное сияние**. Вы думаете, оно просто так там вверху пляшет зелеными занавесками? — Это небесный салют! — выпалил Пломбир. — Почти, — кивнул Дед Мороз. — На самом деле Солнце постоянно пускает в нас свои горячие лучи-стрелы. Если бы не атмосфера, мы бы давно превратились в угольки. А высоко-высоко над моей головой летают крошечные частички — солнечный ветер. Когда они долетают до полюса, где магнитное поле Земли слабое, они врезаются в воздух. И от удара загораются. Зеленым, красным, фиолетовым. Это небо показывает нам, что щит работает. Сияние забирает лишнее электричество и холод, распределяя его по верхним слоям воздуха.

— А вторая вещь? — спросил Сеня-техник, который больше любил гайки, чем красивые сказки. — Вторая вещь — это кровь нашей планеты. **Океанские течения**. Вода в море движется не просто так, от скуки. Она путешествует. Есть теплые курорты, а есть ледяные санатории.

Дед Мороз достал из кармана тулупа два гладких камешка. Один был черным и обжигающе холодным, словно пролежал во льдах вечность. Второй — серым и теплым, нагретым невидимым солнцем.

— Вот смотрите. Это **холодное течение**. Оно рождается здесь, в Арктике. Ледники тают, вода становится соленой, тяжелой и холодной. Она опускается на самое дно и ползет вдоль него далеко-далеко на юг. Как подземная река. Благодаря ей на экваторе рыбы не варятся заживо, а кораллы не цветут слишком бурно. Холод держит баланс.

Он положил холодный камень на ладонь Пломбира. Биолог ойкнул и тут же покрылся инеем по краям ведерка. — Понятно, — клацнул зубами Пломбир.

— А теперь теплое, — Дед Мороз подбросил второй камешек. — Самое знаменитое теплое течение называется **Гольфстрим**. Он начинается далеко-далеко отсюда, возле самого

экватора. Там солнце жарит воду так сильно, что она расширяется, становится легкой и быстрой. Этот теплый поток, как огромная река внутри холодного океана, течет через весь Атлантический океан прямо ко мне, в гости. К Европе и к нам на Север.

— Зачем он к тебе идет? — подозрительно спросил Сеня. — Греться? — Именно, — серьезно ответил Дед Мороз. — Без Гольфстрима мой дом превратился бы в кусок льда размером с луну. В Норвегии благодаря ему растут пальмы, представляете? Пальмы на севере! Теплая вода испаряется, превращается в облака, несет влагу. Зимы становятся снежными, но мягкими. Не минус пятьдесят, чтобы уши отваливались, а уютные минус десять, когда можно лепить снеговиков. Гольфстрим — это такая гигантская батарея центрального отопления, которую природа проложила по дну моря специально для нас.

— Значит, кто-то выключил нашу батарею? — догадался Вася. — Или забрал из нее горячую воду? — Хуже, — покачал головой Дед Мороз. — Кто-то поставил рядом с ней обогреватель. Помните тот зеленый свет, который видели спутники? Это проснулся подводный вулкан или трещина в земной коре. Маги называют это «Гидротермальный источник». Из дыры в дне начал бить кипяток. Огромными пузырями.

Представьте, что вы принимаете ванну. Приятно? Да. А теперь представьте, что сосед снизу включил промышленный кипятильник прямо у вас под ногами. Вода начинает кипеть. Пар поднимается вверх. Туман закрывает солнце. Льды вокруг начинают таять. И вот этот туман, эта теплая шапка над океаном, закрыла собой мое **Северное сияние**. Щит перестал работать. Теплый воздух поднялся выше, растопил легкие перистые облака, которые отражали лишний жар космоса обратно. Планета начала перегреваться.

А наш бедный Гольфстрим? Ему стало стыдно. Как может согревать других тот, кому самому жарко? Теплое течение встретилось с этим подводным пожаром, смешалось с кипятком вулкана и само стало... ошпаренным. Оно потеряло силу. Вместо того чтобы нести тепло на север, оно начало рассеивать его прямо посреди океана, пытаясь хоть как-то остыть.

— Поэтому Мурманск плавится, — тихо закончил за него Пломбир. — Батарея сломалась, щит погас...

— Верно, биолог, — кивнул Дед Мороз. — Дети чувствуют эту беду первыми. Им снятся странные сны. Они ждут снега, а получают лужи. Вера в чудо остывает быстрее всего. А без веры детей мои сани не полетят, даже если я запрягу в них тысячу ветров. Наша задача — найти этот «обогреватель» на дне и попросить его вести себя потише. Или помочь ему уснуть. Иначе вместо Нового года у всех будет День Нептуна в сауне.

Внезапно тишину прервал скрежет. Краб-Архивариус снаружи батискафа переступил с ноги на ногу. По внутренней связи, работающей через вибрацию корпуса, прошел сухой шелчок печатной машинки: *«Урок окончен. Оценки ставить не буду, вы мокрые. Но метафора про арбуз неточная. Земля скорее похожа на яйцо всмятку, только скорлупа у него местами толщиной в бумагу. Если ваш Игнат чихнет слишком сильно, Африка снова прилипнет к Америке. Поправьте курс, мы сейчас врежемся в почтовый ящик Гренландии»*.

Снеговички бросились к приборам. Карта снова вспыхнула голограммой. Прямо по курсу действительно маячил огромный ржавый контейнер, сплошь заросший оранжевыми полипами.

— Курс норд-норд-ост! — скомандовал Вася, беря правее. — Обходим почту. Дедушка, а если мы найдем этот кипятильник... вы сможете его заморозить?

Дед Мороз посмотрел на свой посох. Рубин в намерении пульсировал ровно и спокойно, несмотря на адскую жару за бортом. — Заморозить можно всё, Васенька, — тихо сказал он. — Вопрос лишь в том, сколько холода потребуется. Иногда проще не морозить огонь, а накрыть его хорошим ватным одеялом. Главное, чтобы одеяло было правильным. Летим дальше. Нам нужно найти того, кто делает эти одеяла лучше всех в мире.

Батискаф качнулся, обходя стороной сонных глубоководных ежей, и нырнул в темный каньон, ведущий напрямиком к Долине Тихого Храпа.

Глава 3. Батискаф «Снежинка-7»

Внутри батискафа пахло озоном, раскаленным металлом и почему-то елочной хвоей — Дед Мороз забыл в кармане тулупа пару свежих иголок, которые теперь медленно поджаривались от тепла приборов.

Кабина была рассчитана на одного человека, поэтому снеговичкам пришлось проявить чудеса изобретательности. Вася-навигатор сидел прямо на полу, скрестив ноги морковками кренделем, и пытался развернуть перед собой голографическую карту течений. Пломбир-биолог втиснулся между блоком управления жизнеобеспечением и термосом с горячим сбитнем, который успел прихватить из камбуза судна. А Сеня-техник занял самое ответственное место — за пультом распределения жидкого азота. Его ведерная голова едва не упиралась в низкий титановый потолок.

— Температура обшивки плюс два, — доложил Сеня, щелкая массивными переключателями, предназначенными для рук в толстых перчатках. — Активирую внешнюю подачу пены.

По корпусу прошла легкая вибрация. За круглым иллюминатором вода мгновенно помутнела, а затем начала превращаться в густую белую кашу. Криогенный гель сработал: соприкасаясь с аномально теплой водой Баренцева моря, он выделял микроскопические кристаллы льда.

— Работает! — восхитился Пломбир, прижимая нос-стеклышко к стеклу. — Мы варимся в гигантском снежном капучино! — Глубина десять метров, — напряженно произнес Вася, глядя на альтиметр. — Пока держим ноль. Но давление растет, лед вокруг корпуса начинает уплотняться. Если мы остановимся, нас просто впаяет в айсберг. Сеня, добавь тяги на нижние маневровые.

Сеня потянул рычаг. Где-то внизу глухо зарокотали водометы. Батискаф вздрогнул, но с места не сдвинулся. Ледяной панцирь, которым они сами себя окружили, оказался слишком цепким.

— Так дело не пойдет, — пробасил Дед Мороз. Он стоял, слегка согнув колени, чтобы его расшитая серебром шапка не касалась плафона. Одной рукой он придерживал мешок с письмами, другой сжимал свой посох, который внутри кабины светился мягким рубиновым светом. — Мы так до самого дна примерзнем. Нужно внутреннее охлаждение.

— Внутреннее? — переспросил Сеня. — У нас тут система рециркуляции воздуха, фильтры да печка для сушки валенок... О! Есть идея!

Он метнулся в технический отсек и вернулся с огромным промышленным огнетушителем, только вместо красной этикетки на нем красовалась синяя снежинка. — Хладагент класса «Вечная мерзлота», — гордо пояснил техник. — На основе сжиженного дыхания белых медведей. Сейчас проветрим салон.

— Только не переборщи, — предупредил Дед Мороз. — Мне сугробы в кабине не нужны, я здесь не развернусь.

Сеня аккуратно повернул вентиль. Из раструба вырвалось облачко серебристого пара. Оно опустилось вниз, окутало приборные панели, стекла и ботинки самих исследователей. Внутри «Снежинки-семи» стало ощутимо свежее. Голограмма Васи перестала подрагивать от тепловых миражей, а с кончика носа Деда Мороза наконец исчез предательский лиловый оттенок.

— Порядок, — выдохнул Сеня. — Минус пять. Системы стабильны. Начинаем погружение по баллистической траектории. Экипаж, доложите о готовности. — Навигация в норме, — отозвался Вася. — Координаты зафиксированы. Хребет Ломоносова прямо по курсу, если этот суп впереди вообще позволит нам что-то увидеть. — Биологический мониторинг включен, —

пропищал Пломбир. — Веду учет планктона. Ой. Кажется, один планктон только что клюнул нас в иллюминатор. Какой огромный!

Дед Мороз положил тяжелую руку на главный рычаг спуска. Титановые тросы, удерживающие их на лебедке кормового крана «Профессора Штокмана», натянулись и со звонким щелчком отпустили аппарат.

Батискаф качнуло. Иллюминатор заполнила плотная, чернильная синева. Солнечный свет остался где-то далеко наверху. Вместе с ним исчезли звуки надводного мира: гул дизелей судна, крик чаек, плеск волн. Теперь их окружала абсолютная тишина глубоководья, нарушаемая лишь мерным гудением насосов и бульканьем пузырьков воздуха в системе очистки.

— Проходим термоклин, — монотонно бубнил автоматический диктор корабля. — Температура воды за бортом восемь градусов... двенадцать... восемнадцать... — Наша «Снежинка» старается изо всех сил, — заметил Сеня, внимательно следя за датчиком уровня азота. — Пеной плюемся, как бешеные. Обшивка держит минус сорок. Но эта лужа внизу кипятит воду быстрее, чем мы ее морозим. — Значит, нужно нырять быстрее, — решил Дед Мороз. — Вася, ищи подводный каньон. Пойдем вдоль него, там течение должно помочь сэкономить энергию. И включи прожектор. Хочу посмотреть на местный лес.

Вася щелкнул тумблером. Узкий луч мощного светодиода пронзил темноту. То, что ученые называли «аномальной зоной биолюминесценции», изнутри выглядело совершенно сказочно. Они погрузились в настоящий подводный бор. Вместо сосен здесь стояли гигантские стеклянные полипы, похожие на замерзшие фонтаны. Их кроны светились ядовито-зеленым и фиолетовым. Между ними лениво парили медузы размером с парашют — прозрачные купола, внутри которых пульсировали красные сердца и запутались мелкие серебряные рыбешки.

— Красота какая, — зачарованно прошептал Пломбир, делая пометку в берестяном блокноте. — Запишем: «Море Лаптевых ошиблось адресом».

Внезапно по правому борту мелькнула огромная тень. Она была темнее самой бездны и двигалась абсолютно бесшумно. Луч прожектора мазнул по ней, выхватив на долю секунды плоский хвост, ряд фосфоресцирующих пятен, идущих вдоль хребта, и тусклый отблеск чего-то похожего на старый корабельный фонарь.

— Это еще что за кит-переросток? — нахмурился Дед Мороз. — По эхолоту объект длиной около тридцати метров, — побледнел (насколько это возможно для снеговика) Вася. — Скорость двадцать узлов. Идет параллельным курсом. Не кит. Зубов нет, чешуя кольчужная. И... дедушка... оно машет нам манипулятором.

Дед Мороз прищурился, всматриваясь во мрак. Действительно, сбоку от них, выдерживая идеальную дистанцию, плыло нечто механическое. Природная грация хищника сочеталась в этом существе с угловатыми стыками старой сварки. На его макушке действительно вращалась маленькая лопасть, напоминающая вентилятор в курительной комнате.

— Отставить панику, — спокойно сказал Дед Мороз. — Это не чудовище. Это лощман. Местный. Видать, услышал, как мы снегом чихаем, вышел встречать. Главное правило глубин, ребята: кто бы ни махал клешней — сначала здороваемся, потом проверяем документы. Вася, сбрось скорость на две единицы. Посмотрим, куда он нас ведет.

Батискаф замедлил ход. Механический зверь описал вокруг «Снежинки-семи» широкий почетный круг, выпустил облако светящихся чернил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.